

Простой и сложный, как правда

ЛИТОВСКАЯ театральная Лениниана создается вместе со всей советской Ленинианой, хотя имеет, конечно, и свои особенности.

Сценический образ Ленина впервые был создан в литовском театре в конце 1947 года. Пионерами были Вильнюсский театр драмы и, в частности, его художественный руководитель Б. Даугветис, актер Ю. Сипарис. Первая попытка была удачной. Здесь уместно напомнить, что Б. Шукин создал на сцене образ Ленина только в 1937 году, спустя двадцать лет после Октябрьской революции, когда русский театр накопил огромный опыт таких корифеев сцены, как К. Станиславский и В. Немирович-Данченко, А. Попов, А. Таиров, В. Мейерхольд, Е. Вахтангов, К. Марджанов, В. Качалов, А. Коонен, Н. Хмелев и многие другие.

У литовского театра, его режиссера Б. Даугветиса и актера Ю. Сипариса были свои трудности. Шел только третий год после освобождения Неманского края от фашистской оккупации. В сфере идеологии и искусства продолжалась ожесточенная борьба. Многие еще были непонятно, неведомо деятелям нашей национальной сцены. Б. Даугветис к тому времени поставил только несколько спектаклей по пьесам советских драматургов. А самой крупной ролью Ю. Сипариса в русской драматургии был Левшин во «Врагах» М. Горького.

В таких сложных условиях велась большая творческая работа при подготовке «Кремлевских курентов» Н. Погодина.

Успех постановки можно отнести на счет сильного актерского ансамбля и того творческого накала, который охватил весь коллектив, возглавляемый Б. Даугветисом. Самостоятельный и последовательный режиссерский замысел спектакля, интересные актерские поиски помогли литовскому театру воссоздать, хотя и впервые, но уже удачно образ Ленина.

В 1955 году режиссеры И. Рудзинкас и Р. Юкнявичюс вернулись к постановке Б. Даугветиса.

Это было не только обновлением старого спектакля. Более глубокая редакция произведения Н. Погодина, новые живительные веяния в искусстве, новый исполнитель главной роли И. Кавалюскас — все это изменило облик и черты старой постановки.

Путь И. Кавалюскаса к образу Ленина был более долгим, но и более естественным. К тому времени актер сыграл уже немало ролей наших современников. Однако и тогда, когда Кавалюскасу доверили создание образа вождя, театр еще не избавился от стереотипных загвоздок: мол, внешние данные актера — рост, голос — не подходят к этой роли. К счастью, самого актера волновало совсем другое: а сможет ли он создать живой образ Ильича? Как сохранить всем привычный облик в целом и каждую черточку в отдельности, не переходя на бытовое копирование, не повторяя виденных ранее, хоть и талантливых, сценических образов?

И. Кавалюскас вспоминает, что ему долго не удавалось проследить, постигнуть нити мышления Ленина, побороть скованность, волнение при исполнении роли вождя. После долгих исканий актер так обосновал свое внутреннее состояние в этой ответственной роли: главное — необыкновенная быстрота ленинской мысли. Спросив о чем-нибудь собеседника, Ленин моментально, как только тот начинает говорить, улавливает суть его ответа. И. Кавалюскас стремился показать, как этот молниеносный, внезапный скачок мысли вызывает такой же внезапный темпераментный жест. В лучших сценах актеру это удалось. Однако образ Ленина в исполнении Кавалюскаса имел еще черты, пришедшие из созданных ранее кинофильмов и спектаклей.

Сдвиги в общественной жизни и советском искусстве, происшедшие во второй половине шестидесятых годов, оказали влияние на дальнейшее развитие театральной Ленинианы. Третья часть трилогии Н. Погодина «Третья патетическая», «Воль-

певики» М. Шатрова, фильм «Шестое июля» и некоторые киносценарии открыли новые возможности для художественного воплощения образа Владимира Ильича Ленина.

Траговка Р. Юкнявичюса и И. Кавалюскаса отчасти шла в таком направлении: от отдельных черт к духовному миру великой личности. Образ, созданный Кавалюскасом, больше всего подкупал именно этим. На сей раз актер менее, чем когда-либо на литовской сцене, придавал значение внешнему сходству с вождем, стремясь прежде всего передать напряжение ленинской мысли. В лучших сценах (например, в Горках, при разборе просьбы женщины или в сцене прибытия на завод к рабочим) актеру удалось избежать помпезности и позы. На встрече с рабочими герой Кавалюскаса был весел, шутил, но в подтексте можно было почувствовать скрываемую трагедию приближающейся смерти. Патетические струны ленинского гуманистического мировоззрения, смерти и бессмертия здесь прозвучали волнующе и впечатляюще. Образ Ленина был главным достижением постановки Р. Юкнявичюса.

Постановка пьесы М. Шатрова «Шестое июля» в Шяуляйском театре, осуществленная режиссером М. Каркляйсом, явилась новым шагом в развитии литовской Ленинианы. Особенно ощущимо это в образе Ленина, созданным С. Паской. Актер еще строже, чем его предшественники, подходит к своей задаче, не стремится к внешнему сходству, не повторяет знакомых интонаций, часто встречающихся деталей. Герой С. Паски притягателен тем, что он ходит по той же земле, где и все мы. Актер добивается максимальной, даже аскетической простоты, хотя в рассуждениях и спорах его герой не похлывает своих собеседников по плечу, а те не глядят ему под бострастно в глаза. Величие Ленина очевидно и тогда, когда мы говорим об этом без помпезности. В этом одно из главных превосходств образа, созданного

С. Паской. Работа С. Паски очень перспективна для дальнейшего развития нашей Ленинианы.

Образ Ленина на литовской сцене создавала не молодежь (правда, юного Володю Ульянова в Каунасском театре в пьесе И. Попова «Семья» в 1951 году сыграл Г. Кураускас). Это произошло по многим причинам. Герой пьес Погодина и Шатрова — уже немолодой человек, признанный вождь революции, крупнейший теоретик. Для создания такого образа нужны были исполнители соответствующего возраста и большого творческого опыта.

Однако было бы интересно, если бы в Лениниане попробовали свои силы талантливые режиссеры и актеры молодого поколения, а такие у нас сейчас есть.

Вспоминается образная мысль Качалова, высказанная когда-то о Чехове: «Это словно громадная горная вершина — чем дальше удаляемся, тем она кажется выше и недоступнее». Эта мысль весьма актуальна и для нас сейчас. Может, поэтому и в кино, и в театре нам уже недостаточно узнать, какими были жестыкуляция Ленина, голос, походка. Зритель наших дней хочет видеть контуры одной из самых высоких вершин человеческой мысли, революционизирующей мир.

Как преодолеть все трудности? Как выйти на новые творческие горизонты? Это целый круг проблем, из которого до сих пор удалось вырваться только отдельным художникам. Н. Погодин однажды сказал, что Ленин прост, как правда. Но ведь не кто иной, как Ленин, диалектически показал, насколько сложна эта философская категория и как долг, сложен путь познания правды. И здесь, видимо, будет правомерна аналогия — долг и сложен путь художественного познания, ведущий к правде ленинского образа. К правде простой и сложной, как сам Ленин.

М. ПЕТУХАУСКАС.